

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 38

15 ноября 1944 года

№ 38

СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ казачьим войскам № 20

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов

★

Морские поиски казаков в XVII
и XVIII ст. — В. Сухоруков

★

Иногородний вопрос на Кубани
— Залевский

★

Иногородний вопрос на Тереке
— Прокопов

★

В первой казачьей (продолже-
ние) — А. Яганов

★

Мы куем кадры — В. Никонов

★

Оля (продолжение) — повесть
Ф. Печорина

★

Розыски

Дай нам Бог, ребяташки, пожить, послужить,
На чужой сторонушке голов не положить.

Из казачьей песни

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Приказ казачьим войскам

10 ноября 1944 г.

№ 20

Берлин

Сегодня минул год со дня объявления Германского Правительства от 10 ноября 1943 года.

Событие в жизни казачьих войск знаменательное: началось тогда возрождение казачества.

Начальник штаба Германского Верховного Командования генерал-фельдмаршал Кейтель и Рейхсминистр Восточных областей Альфред Розенберг от имени правительства объявили утверждение за казаками и теми иногородними, которые с казаками жили и доблестно с ними сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели предки казачьи в прежние времена.

2. Казачью самобытность, стяжавшую казакам историческую славу.

3. Неприкосновенность казачьих земельных угодий, приобретенных стопами трудами, заслугами и кровью предков.

4. Если бы военные обстоятельства временно не допустили казаков на земли их предков — Германия обещала устроить казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив казаков землей и всем необходимым для казачьей самобытности.

Не нужно мне напоминать вам, казаки, как было принято это объявление всеми вами. Какой восторг освобождения загорелся в сердцах ваших. Он горит и поныне. Не угасает он несмотря на все трудности, сопряженные с шестым годом войны с жидовско-капиталистическим миром.

Ведь все это в советской стране казалось неисполнимым... несбыточным... невозможным. Казаки умерли. Избиты... Сосланы... Самое имя их затоптано в грязь.

Когда понадобилось большевикам — пытались они восстановить казачьи полки. Кого попало рядили в шаравары с лампасами, в черкески, сажали на казачьи седла. Вышла только насмешка над казаками. Не стало казаков в советской стране.

Как же вдруг появились казаки на чужой земле? Откуда взялись эти стройные казачьи полки? Откуда, из каких подполий и укрытий, из ссылок и тюрем пришли старики деды и отцы молодцов-казаков, откуда вышли храбрые наши казачки. Взвилась над чужими полями казачья песня. Загремели казачьи винтовки, понеслись вихрем казачьи сотни на помощь германским войскам.

Живы оказались казаки; не умерла слава казачья!

Как в старину пошли казаки оружием добывать себе землю.

Каждым случаем пользовалось Восточное министерство, чтобы дать казакам передышку в их тяжелом боевом походе. Весною этого года казаки зацепились за землю у Каменец-Подольска. На несколько недель зажили станичную спокойною жизнью. Но... Новый поход поставил их в окружение. Полки походного атамана полковника Павлова и его начальника штаба Войскового старшины Доманова, с честью вышли из него. Медленно, с постоянными боями, двигались казачьи колонны с обозами женщин и детей на север, в глухие леса Беловежской пуши, в болота Полесья. Устроились у Новогрудка. Но навалилась огромная сила. Тучами налетели советские самолеты. Понеслись американские танки. Кровавые бои привели к отходу.

Куда?... Некуда...

Если для Германского правительства труден был вопрос о даровании казакам земли, не легче было и с сохранением прав и преимуществ служебных, каковые имели предки казачьи в прежние времена.

При наступлении Германских войск в казачьи земли, а потом при отходе из них, казачьи части сбивались случайно... хаотически. Являлись случайные вожди... атаманы... начальники. То были — казаки... Русские офицеры... немцы...

Много казаков было забрано в красную армию. Они там не смели называть себя казаками. Одни из них переходили сами к немцам. Другие были взяты в плен в общей массе красноармейцев, смешались с нею. Их брали в создаваемые казачьи полки и отряды. Они поступали под команду немцев. Что знали в ту пору немцы о казаках? Или ничего, или только худое... Как мог понять немецкий унтер-офицер, что вчерашний красноармеец жестоко и зверски сражавшийся против него, творивший неистовства над мирными жителями — сегодня стал его союзником, ненавидящим большевиков? Как мог разо-

браться он, что есть «советские», есть русские и есть, наконец, — казаки. И они все разные.

Нужно было появиться светлым друзьям казаков: — генералу фон Панвицу. Нужно было Фюреру разрешить создать из казаков дивизию и тогда в этой дивизии стало проясняться сознание и понимание казаков. Их стали выделять из общей массы русских, стали постепенно давать казакам «права и преимущества служебные». Страдный и тяжелый путь пришлось пройти казакам, пока не появилось объявление Германского правительства, пока кровавые бои с партизанами и бандитами не спаяли их боевым товариществом с немецким составом полков. Медленно сглаживались острые углы ненормальных отношений. Постепенно стали понимать немцы казаков, и казаки немцев. Кто не мог понять этого — уходил. Кто оставался, становился подлинным другом.

Шла пропаганда, проповедь живым словом казакам о немцах, немцам о казаках.

Год... Всего один год прошел со дня издания объявления от 10 ноября. В истории народа — это не больше, как миг. Взмах ресниц над глазом. А уже положен краеугольный камень создания свободных, самостоятельных войск казачьих. Идет сбор всех казаков под одно знамя для общей борьбы с большевиками. Уже поняли немцы, что казакам можно верить, что ни в счастье, ни в неудаче казак своему слову не изменит, всегда останется верен принесенной Фюреру и Германии присяге. С нею пойдет он однажды на свои земли воссоздавать разрушенные курени, ставить станицы свободных казаков.

Год тому назад светлым пламенем загорелись в сердцах казачьих имена друзей казачьих войск — Фюрера Адольфа Гитлера, фельдмаршала Кейтеля, Рейхсминистра Розенберга и всех тех, кто по их приказу пошел помогать казакам в их борьбе с большевиками, в осуществлении, казалось бы, — неосуществимого — генерала фон Панвица, профессора фон Менде, министра-рата доктора Химпеля, оберрежирингс-рата доктора Штуппериха, майора Мюллера, референта Эд. Эд. Радтке, всех тех, к кому на чужой земле пришлось казакам обращаться за помощью и советом и кто им помощь и совет подавали. Это пламя разгорается теперь в тяжелые дни войны еще более ярким светочем надежды и упования.

Орлы степные Донские и горные Кавказские, куда залетели вы ныне?

Где сплетаете нетленный венок славы казачьей?!

С Тихого Дона, с полноводной Кубани, с высей, откуда несет стремнины свои Терек — слетелись вы на бранный победный пир в горах Балканских. Кровавым полетом промчались через мятежные стогны Варшавы и с обезумевшей Польши взлетели на выси Альпийских гор. Там, памятуя Суворова и бывших с ним 145 лет тому назад Донцов, складываете вы нехитрое гнездо свое, неся мир, тишину и благоденствие обманутому итальянскому народу.

С вами идет победа. Она приведет вас к исполнению всего вам обещанного Германским правительством в приснопамятный день 10 ноября 1943 года.

Чем ярче, чем стремительнее, чем величественнее будет наша общая победа над большевиками — тем полнее осуществятся наши молитвы, наши вождения:

«Свободное существование всех казачьих войск под покровительством и защитой Германии...»

Начальник Главного Управления Казачьих Войск

Генерал от Кавалерии КРАСНОВ

Начальник Штаба Главного Управления

Генерал-Майор КРАСНОВ

Верно: Адъютант Главного Управления

Войсковой Старшина МОРГУНОВ

«Козакен-Лейтштеллен, Главное Управление Казачьих Войск и редакция «Казачьи Ведомости» перешли в новое помещение: Berlin SO 16, Rungestrasse 27.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение *)

LV

Восстание против турок в Сербии и Черногории. Турецкие зверства в Болгарии. Русские добровольцы. Генерал Черняев. Объявление Россией войны Турции. Донцы на войне. Захват Барбошского моста. Взятие горы Бедек. Генерал Дризен о казаках. 23-й и 30-й Донские казачьи полки на Шипке. Русские войска под Константинополем.

— Ой, да возвеселитесь, Донцы, храбрые казаки,
Ой да честью славой своей.
Ой да покажите-ж всем друзьям пример,
Как из ружей бьем, грозим
И не портим свой порядок,
Только слушаем один приказ...

Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
— «Чтобы были у вас, ребята,
Ружья новые «Берданы»,
Шашки вострые в ножнах,
Пистолеты на ремнях»...

Донцы спешно покупали на Сестрорецком и Тульском ружейных заводах новые винтовки системы Бердана № 2 со скользящим затвором, покупали на Златоустовских заводах шашки, осваивались всем нужным для похода. Строили себе кожаные чехлы для винтовок, обучались скорой стрельбе из новых ружей.

Что же случилось?

В 1876-м году в Сербии и Черногории, а потом и в Болгарии поднялось возмущение против турок. Турки жестоко его подавляли. Они истребляли женщин и детей. Они бросали младенцев на сабли, привязывали болгар к деревьям, раскладывали под ними костры и сжигали на медленном огне. Европа знала об этих турецких зверствах. «Корреспонденты» английских и французских газет описывали их; но холодна была Европа к мукам славян. Англия снабжала турок оружием и посылала туркам своих офицеров.

И только православная Русь чутко отнеслась к страданиям славянских братьев на Балканах. В России началось движение для оказания помощи славянам. Повсюду в городах и селах собирали деньги на помощь возставшим, туда посылали отряды врачей и сестер милосердия для устройства перевязочных пунктов и лазаретов. Газеты были полны воззваниями и призывами помогать славянам в их борьбе за свободу. С негласного разрешения Русского правительства тысячи офицеров и Русской молодежи пошли служить добровольцами в Сербской армии. Во главе ее стал завоеватель Ташкента и герой войны в Туркестане генерал Михаил Григорьевич Черняев. Летом 1876 года вся Россия, от верхов ее до низов, жила заботами и думами о Балканских народах. Успехи сербов и черногорцев принимались, как русские успехи — всякая их неудача вызывала в России тяжкую боль, как от раны, нанесенной ей самой.

В октябре 1876 года турки разбили сербов под Дюнишем и Алексинацем. Дорога к Белграду была открыта. Сербия была на краю гибели — порабощения ее турками.

19-го октября Император Александр II отправил Турции требование приостановить военные действия против сербов. Поддерживаемая и натравливаемая Англией Турция тянула с ответом. Война становилась неизбежной. Русские войска стягивались на границу Румынии, к Кишиневу. Главнокомандующим Русской армией на Балканах был назначен брат Государя Великий Князь Николай Николаевич. Когда великий князь отъезжал к армии и являлся Государю в Зимнем дворце — он спросил Государя:

— Какая конечная цель войны?

— К о н с т а н т и н о п о л ь ! — ответил Государь.

Это стало известно в народе и было встречено бурным восторгом. Давнишняя мечта Русского народа сменить луну «чужую» святым крестом на старом Византийском соборе святой Софии была близка к осуществлению.

12 апреля 1877 года последовало объявление войны Турции. 6 мая караул Лейб Гвардии Казачьего полка, шедший из

) См. № 37 «На Каз. Посту».

Зимнего дворца в казармы, был остановлен на Невском проспекте Государем. Государь сказал Лейб казакам:

— Поздравляю вас с походом! Надеюсь, что вы будете сражаться так же храбро, как сражались ваши отцы и деды! Война не легка, но что делать? Твердо уповаю на Бога!

Громовое ура! было ответом на слова Государя.

Войско Донское выставило на войну 53 полка и 24 батареи. Эти части были отправлены преимущественно на Дунай.

При взглядах, установившихся на казаков после Милютинских реформ, как на конницу второго сорта, — а давно ли так казаками восторгались во время войн с Наполеоном, — при том, что место военных действий — горные отроги Балкан, покрытые лесами, глубокие ущелья, трудно проходимые, особенно зимою, перевалы не способствовали действиям кавалерийских крупных соединений и конным атакам, казаки были разбросаны мелкими частями, и действовали полками, а иногда и просто сотнями, — трудно было заслужить в эту войну такую большую славу, какую казаки имели в войнах с Наполеоном на Русских и Европейских просторах.

Когда, в конце войны, в феврале 1878 года по снятии обложения крепости Рушук, начальник Рушукского отряда Наследник Цесаревич Александр Александрович простился с бывшим при нем Атаманским полком — он сказал офицерам:

— Благодарю вас, господа, за вашу молодецкую службу. Служба ваша была хотя и не видная, но весьма трудная.

И точно «не видная, но весьма трудная»...

Подвиги... подвиги... подвиги...

Подвиги отдельных казаков; отдельных офицеров; сотен, реже полков. Подвиги решимости, выносливости, благородно-го самопожертвования, подвиги мужества и находчивости.

Туда, куда не решались бросить регулярную кавалерию, памятью Суворовское наставление: — «казаки везде пройдут» — посылали казаков и они безропотно и с редкою храбростью исполняли порученное им. Там, где сдавала пехота — шли казаки и увлекали за собою пехоту.

Как только была объявлена война перед Русской армией стал вопрос о переправе через Дунай. Эта переправа считалась знатоками военного дела невозможной. Переправа намечалась у Зимницы — Систо. Чтобы переправа могла состояться Русским необходимо было захватить раньше турок Барбошский мост на реке Серет у низовьев Дуная. Было известно, что турки спешат к этому мосту. До моста от места сбора Русской армии было около ста верст. Захват моста был поручен полковнику Струкову, Русскому офицеру. Он взял № 21 донской казачий полк, прошел за ночь сто верст и 12 апреля, в день объявления войны, захватил на глазах у турок Барбошский мост. Переправа у Систо была обеспечена.

3 июля разведка № 30 Донского казачьего полка сотника Галдина выяснила, что гора Бедек занята полтора-тысячами турецкой пехоты и черкесами. Был составлен отряд из двух рот Орловского пехотного полка и № 30 донского казачьего полка. Ночью на 5 июля отряд подошел к горе. На левое укрепление были направлены часть 1-й роты и 21 казак под командой хорунжаго Долгова; на правое укрепление 98 казаков под командой урядника Темрюкова, и с фронта шли 51 казак, остальная часть 1-й роты и вся 2-ая рота под начальством сотника Галдина.

По узкой тропинке между скал по одному пробирались казаки и Орловцы к Бедеку. Когда они вышли из леса на плоскогорье — вот она стала перед ними в темноте ночи гора Бедек. Казаки, шедшие впереди разсыпались в цепи, за ними шли Орловцы.

Болгарин проводник наткнулся на сторожевой пост. Раздался выстрел. Цепи были открыты. Бешеный огонь из скорострельных турецких ружей полился на атакующих. Солдаты, попавшие первый раз в ночное дело, замялись. Иные стали поворачивать назад. К ним побежал сотник Галдин.

— Отступления нет! — крикнул он: — Кто сделает хотя шаг назад — тому размою голову.

Галдин поднял приклад. Сверкнули в ночной мгле выхваченные из ножен шашки, казаки бросились на штурм. Орловцы побежали за ними. Гора Бедек была захвачена с налета.

5 июля 2-й эскадрон Лейб гвардии Казачьего полка, 6-ая сотня № 23-го Донского Казачьего полка и взвод 6-й донской конной батареи под общей командой полковника Жеребкова дружной атакой в конном и пешем строю взяли укрепленное турками селение Ловчу. За это дело 2-й эскадрон Лейб гвар-

дни казачьего полка получил на кивера «змейки» с надписью «за Ловчу 5 июля 1877 года».

В отряде генерала Дризенна находился № 12 Донской казачьей полк. Черкесы большими силами напали на сторожевое охранение отряда. Командир полка, полковник Хрещатицкий, раскинул лаву. Полк, действуя по старинному то пешком, то на конях, где огнем, где конной атакой в шашки и пики отбил черкесов.

Опытный бывалый кавалерист генерал Дризен подъехал к Хрещатицкому и сказал ему:

— Я в восторге от ваших казаков, полковник. Это истинные герои. Собралось, было, против ваших постов большое скопище черкесов. Ну, думаю, пропали!... Донцы спешились и пошли в шашки, но нужно было видеть, как они пошли! Львами! Стойко, смело, с увлечением!...

Во время августовских боев на Шипкинском перевале отряд из Брянского и Орловского полков, пяти болгарских дружин и 29 орудий, всего около 5 тысяч человек был окружен тридцати тысячной армией Сулеймана паша. Люди падали от пуль, ран и утомления. Ни воды, ни пищи не было. Патронов было мало. У артиллерии оставалась одна картечь. 11 августа Сулейман паша повел решительное наступление. Решалась судьба Шипкинского перевала.

Вдруг, со стороны Габрова показалась длинная колонна. Это шли донские казаки № 23 донского казачьего полка полковника Бакланова. На каждой казачьей лошади сидело по два и по три стрелка 16 стрелкового полка, казаки вели этих лошадей. Они прошли за один день по горам 60 верст, от Тырново до Шипки.

Армия Сулеймана прекратила окружение отряда и отступила. Началось знаменитое Шипкинское сидение, где прославился генерал Радецкий.

Об этом марше стрелков на казачьих лошадях долго потом в Русской пехоте и в казачьих полках на пешем марше лихо и с присвисточкой пели:

— Как стрелочки прискакали
На казачьих лошадях
Турки разом закричали
Свой Аман и свой Аллах!...
Гремит слава трубой,
За Дунаем, за рекой,
Царь султана победил,
Христиан освободил!...

Братское истинно христианское было отношение между Русскими солдатами и Донскими казаками. Живо было воинское правило «сам погибай, а товарища выручай» и евангельское «больше сея любви никто же имает аще кто душу свою положит за други своя». Так и смотрел казак на свой воинский долг.

2 октября, в деле у Базарджика, отряд из Северских драгун и донцов № 38 Донского казачьего полка был атакован огромными силами баши-бузуков. Как и всегда баши-бузуки не давали пощады раненым и отсталым — всем одинаково рубили они головы. 38-го Донского полка, Мечетинской станицы, казак Григорий Сирин был ранен и лежал на земле. Рядом с ним стоял, опустив голову и печально глядя на хозяина, его доморощенный конь. Мимо Сирина проходил потерявший коня Северский драгун. Раненый подозвал его:

— Земляк!.. Слышь!.. А, земляк! Возьми маштака моего. Пешком ить не уйдешь, вон они где.

Драгун сел на коня и хотел взять на круп раненого. Тот покачал головой:

— Не увезет... Замореный конь... Спасайся, брат, один. А за упокой вонна Григория свечку поставь...

Драгун дал шпоры маштаку и ускакал. Баши бузуки отрубили голову казаку Сирину.

28 ноября с августа осажденный Русскими войсками укрепленный турками лагерь-крепость Плевна сдался. Осман паша, ее защитник, с 45.000 войском, 10 пашей, около 2.000 офицеров и 77 орудий были взяты в плен.

Русские войска были двинуты за Балканы. Без полдубков, в одних легких шинелях шли полки через снегом занесенные вершины считавшихся непроходимыми зимою Балканских гор. Впереди шли Донские полки. Сложилась об этом походе песня:

Мы к Балканам подходили —
Нам сказали: высоки!
Три часа их проходили
И сказали: пустыни!
Гремит слава трубой,
Мы дрались, турок, с тобой,
По горам твоим Балканским
Раздалась молва о нас.

ДУМЫ

Вспоминаю златые я дни
На просторах родимых краев,
Где прославились предки мои
В годы жарких, кровавых боев.

Вспоминаю ковыль я седой
Изумрудные волны Донские,
Взор казачки, красивой, молодой,
Джигитовки и рубки лихие.

Прочь от сердца, тоска и печаль
Все проходит: и горе, и беды
Мрак спадет и прояснится даль
Мы достигнем желанной победы.

Не далек тот решающий час
Вновь увидим мы Дон серебристый,
Дорогая земля примет нас
С честью кончится путь наш тернистый.

Ю. Г.

4 января 1875 года полковник Данило Краснов под Карагачем с № 26 Донским казачьим полком в конной атаке по горным кручам, занесенным снегом отбил у турок 23 орудия.

5 января № 30 Донской казачий полк полковника Митрофана Грекова, находясь в отряде генерала Скобелева шел к Филипополю. 6-го было получено приказание от Скобелева идти на деревню Станимаху, куда, по словам болгар, пошел Сулейман паша с отрядом и сорока орудиями.

30 полк втянулся в Родопские горы. Под вечер впереди загорелась подожженная турками деревня. Раз'езды есаулов Шарова и Поздеева поскакали туда. Шаров догнал турецкий обоз, изрубил прикрытые, а повозки доставил к отряду.

Полк остановился ночевать, не расседывая коней. Задолго до рассвета двинулись дальше. Впереди показались огни.

— Видать, братушки овец стерегут, — сказал Греков.

— Нет, господин полковник, — ответил есаул Грузинов, — то не братушки. Это турецкие войска костры кладут.

Послали на разведку войскового старшину Антонова. Тот донес, что два батальона турецкой пехоты с орудиями выходят из деревни Караджиляр. От генерала Скобелева пришло приказание 30-му полку догнать турок и отбить у них орудия.

Как только казаки вскочили на вершину горы — они увидели не одну, но две колонны турок, шедшие в Караджиляр. 6-ая сотня войскового старшины Антонова пошла в атаку. Турки засели за стенами и домами и открыли ружейный огонь. Скакавший впереди сотни вахмистр был убит. За сотней Антонова пошла в атаку 2-ая сотня есаула Галдина, за нею неслась 19-ая Донская казачья батарея. Дальше скакали драгуны. Есаул Галдин ворвался в Караджиляр. Турки, не ожидавшие увидеть большие силы, стали сдаваться. Казаки 30-го полка взяли 53 орудия и 200 пленных. 600 турок было убито. В 30-м полку были убиты вахмистр и семь лошадей, ранено два казака.

Скобелев прислал полку одну строчку:

— Испослать вам, мои добрые молодцы!

За это дело 30-й полк получил Георгиевское знамя с надписью: «За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50 орудий при Караджиляре в 1877-78 годах...»

6 ноября в Закавказье Русские войска штурмом взяли крепость Карс. Русские войска подходили к Эрзеруму.

8 января без выстрела был занят Адрианополь. В феврале Русская армия была у стен Константинополя в Сан Стефано. Турки просили о мире.

(Продолжение следует)

П. Краснов

Морские поиски казаков в XVII и XVIII столетиях

В малых ладьях, из которых каждая едва помещала от 30 до 80 человек, казаки бесстрашно носились по морям Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды; брали корабли, каторги; комяги турецкие, собирали дань с колхидцев, разоряли селения, приступали к городам. Соль и оружие, рыба и серебро, одежда и золото, товары и драгоценные камни, все было их добычей. Так же как по степям, часто и на морях удалцы отправлялись малыми партиями искать добычи, или, как они говорили, зипуны доставать, отчего сами назывались зипунниками. Во время бури это морское войско на малых судах своих претерпевало величайшие бедствия. Однажды, когда Государь, в 1646 году, хотел было отправить на морской казачий поиск своего дворянина; казаки писали: «Государь, надобно быть тверду и привычну, чтобы переносить наши походы: часто бури так разносят нас, что не взведем друг друга: одни в глазах наших тонут, другие разбиваются о камни и скалы, часто по несколько дней остаемся мы безъ запаса и воды». Но те, кои спасались от разбития и потопления, еще с большим трудом избегали от рук врагов своих, нарочно после всякой бури разезжавших по морю для нападения на казаков. Отплытие на поиски всегда сопровождалось некоторым благоговейным торжеством; возвращение праздновалось с шумной веселостью. В первом случае весь народ стекался к часовне (после к церкви, когда она были построены); вместе с походным войском слушали обедню и молебны, мслили угодника Николая о покровительстве подвизавшимся на брань и, вышедши на площадь, где приготовлено было вино и мед, пили прощальный ковш. Потом провожали походное войско до судов; на берегу еще запивали взаимное прощание, и оставались тут до тех пор; пока веселые ратники, напевая дружным хором: «Ты прости, ты прощай, тихий Дон Иванович» терялись из вида. Тогда остальные возвращались на площадь, и желая, как они говорили, погладить дорожку своим походным собратьям, доканчивали недопитое с громкими желаниями успехов и побед отплывшим.

Если поиски казаков были удачны, тогда день возвращения их праздновали с особенным торжеством. Проехав благополучно через устья Дона, походный атаман посылал в главное войско легкий стружок с известием о своем приезде, все, бывшие тут на то время, старый и малый, стекались на берег. Победители, одетые в лучшие из добычных одежд, с распущенными знаменами, с песнями, при звуках литавр, торжественно проезжали мимо стоявшей толпы, приветствовали с судов родные берега пучечными и ружейными залпами, и взаимно принимали от встречающих радостные поздравления. Прежде, нежели равно как и нынешние донцы, всякий успех дела приписывали воле Божьей: оттого всегда сохраняется у нас обряд, что войско, возвращающееся из похода, идет прямо к церкви. По этому обычаю суда всякий раз останавливались против часовни, и не прежде, как по отпетню благодарственных молебнов, вонны выходили на площадь для свидания с родными и товарищами. Поздравительные ковши с вином и медом быстро переходили из рук в руки, ратники хвалились добычей, делали подарки и, усевшись в кружки, за дружеской чарой рассказывали жадным слушателям о своих подвигах.

Древние Донцы хорошо понимали ремесло свое и, принимаясь за дело, исполняли его с великою точностью. У них постановлено было правилом, чтобы ни один воин

не смел брать никаких хмельных напитков, отправляясь на поиск; всякий одевался в старую ветошь, и кроме сухарей, муки, пшена, сушеного мяса и рыбы не смел брать никаких других припасов. Они всегда твердили: «Зачем подавать неприятелю надежду, что он может от нас чемнибудь поживиться; пускай достанется ему в плен: мы больше у него с'едим, нежели он приобретет от нас». Даже самое оружие, с которым казаки выходили на брань, имело бедную наружность: ни на саблях, ни на ружьях, ни на луках не было никаких украшений; если кто брал новое полированное ружье, то непременно смачивал его рассолом, чтобы заржавело: «на ясном железе играет глаз», говорили они. Никогда преждевременно не объявляли, куда предназначался поход, но по большей части решали это в поле или в море. В войсковом же кругу назначалось просто: идти на море, идти в Ногайскую землю, в Тавриду и тому подобное. Всякие вести у пленных и у своих посыльных спрашивали в кругу, особо, одни старшины и лучшие казаки; молодых же казаков и новых пришельцев никогда к тому не допускали. Старики придумывали, все, что могло помогать успеху их оружия.

Отправляющаяся в поход флотилия состояла вся из судов одномачтовых, не более 5 или 8 сажен длиною, в 16 или 40 весел, с рейным парусом, с брустверами по бокам, связанными из камыша, в сажень и больше толщины, коими прикрывались казаки от неприятельской стрельбы; несколько небольших пушек и фальконетов составляли их вооружение. Выждав удобный случай, ночью или в туманную погоду вся флотилия быстро устремляется на корабли и каторги неприятельские, настигает их прежде, чем они успевают приготовиться к защите, и битва всегда оканчивалась абордажем и победою. После того суда пристают к берегу для нападения на город или селение. Вы подумаете, что там уже проведали о казаках, и приготовились к защите; нет, удалцы останавливаются в местах самых скрытых и почти неприступных, и вышедши из судов, бегут опретью до назначенного места, застают неприятеля в беспечности и побеждают его. Случается ли, что и на них нападёт многочисленный враг; они спешат к устью какой-нибудь реки или к морскому берегу, затопляют все свои суда и рассыпаются врозь. Прошла опасность, и они снова собираются к судам, выливают из них воду, приправляют весла и по-прежнему пускаются в море на поиски.

Ужас, который распространяли казаки своими морскими походами по всему поморью, едва вероятно: иногда по одному слуху об их приближении жители бросали дома, разбегались по лесам, и на несколько сот верст кругом нельзя было встретить человека ни в селениях, ни в городах. Казаки брали здесь все, что было лучшее, ценнее и нужнее для них.

Наполнив суда своим добычным грузом и пленными, они спешили во свояси и, остановясь на Дону в некотором расстоянии от главного войска, делили между собою поровну добычу, что называлось у них «дуван дуванить». Пленники поступали в дуван точно так же, как все другие вещи. Сего неприятельского ясыря собиралось иногда на Дону тысяч до двух и более. Казаки старались забирать преимущественно знатных людей для получения выкупа. Цена окуна доходила до 30 тысяч золотых, а особенно за турецких папеш. Рядовых воинов и простолоудинцов выменивали на русских невольников, многими сотнями привозимых в Азов, для чего ближе нижних юрт

находился «окупной яр», или разменное место, где производился выкуп ясыри. Еще больше казаки брали в плен женщин, конх собиралось на Дону тысяч до трех. Жен знатных мурз также отдавали на окуп, прочих же приветливым обращением прихотчивали к всегдашнему у себя жительству и обыкновенно женились на них; иногда жены донских старшин брали их себе в дома для хозяйства или в собеседницы. У казаков существовал обычай, всех тех, кои попадутся в плен на самом острове, то есть в Монастырском или Черкасском городах, неминуемо казнить смертью, какого бы звания кто ни был.

В. Сухорунов.

В издании журнала „На Казачьем Посту“
готовится к печати карманный
КАЗАЧИЙ
КАЛЕНДАРЬ
НА 1945 ГОД

Иногородний вопрос на Кубани

Иногородний вопрос является катуальнойшим политическим вопросом в деле возрождения казачества.

Разрешение этого вопроса является довольно трудной проблемой. Она может быть разрешена только на основе учета тех исторических событий, которые имели место в последнее время.

По с/х переписи 1916 г. Кубанская область имела 54% казаков и 46% иногородних. Это соотношение относится к сельскому населению. При этом черноморские станицы имели более высокий % казаков, чем линейные.

Иногороднее население слагалось из с/хозяев, занимавшихся земледелием на долевых началах или на арендуемых участках, различных ремесленников (кузнецы, плотники, столяры, каменщики, печники, сапожники, портные и т. д.) с/х рабочих и служащих. При этом группа с/х рабочих была наиболее неустойчива — то увеличивалась, то сокращалась, но в обоих случаях определенный контингент из нее закреплялся на Кубани, как постоянные с/х рабочие.

В период гражданской войны кубанские станицы пополнились еще населением бежавшим из Центральных областей от большевиков.

Таким образом, соотношение казаков и иногородних является величиной переменной и зависело от ряда условий.

В основной своей массе иногороднее население стремилось к земле, и часть из них были постоянными земледельцами, имея не плохие хозяйства. Часть же перебивалась на случайной аренде или долевой обработке.

Приписка к казакам была затруднена т. к. во многих станицах в связи с ростом казачьего населения сокращался земельный пай, доходя в отдельных случаях до 3 дес. Сокращение же земельного пая отражалось и на площади земли, сдаваемой в аренду, и на арендные цены на землю.

Трудность приписки и недостаток земли обостряло отношение между казаками и иногородними, выливаясь в отдельных случаях в открытую вражду. Попытка Кубанской Рады разрешить земельный вопрос на Кубани не привела ни к чему. Это сильно сказалось на ходе гражданской войны, когда на Кубани иногородние противопоставили себя казакам, и тем самым сломали единство фронта в борьбе с наступающим большевизмом.

Приход к власти большевиков внес существенные изменения в отношения казаков и иногородних.

По окончании гражданской войны часть казаков ушла в эмиграцию. Значительная часть казаков погибла на полях гражданской войны. Часть погибла в советских конц. лагерях и от голода в 1921 году. Таким образом коренное казачье население резко сократилось, при чем сократилось за счет наиболее активной своей массы. Среди иногороднего населения также были значительные потери. Часть погибла в боях, находясь и в Белой и Красной Армиях, часть также ушла за границу. Значительная часть погибла от голода в 1921 году. В целом коренное население (казаки и иногородние) резко сократилось.

Приток в станицы нового населения в это время был еще сравнительно слабый. Оседали демобилизованные красноармейцы, беженцы из России и часть городского населения, бежавшего из города в связи с недостатком продуктов. Новые пришельцы в своем большинстве были чрезвычайно

активны и помогали большевикам проводить мероприятия по укреплению Соввласти.

В это время казаки и коренные иногородние, забыв старую вражду, объединились против большевистских руководителей. В этой борьбе (особенно в период продрозверстки) не было различий и каких либо трений между казаками и иногородними.

Большевики дали населению землю. Всякий — казак или иногородний — мог получить земельный надел, если он желал на нем работать. Получали землю и казаки и ремесленники и служащие. Недостатка в это время в земле не было. Поэтому и ограничений не производилось. Правда, большевики при выделении земельных наделов строго учитывали классовый состав населения: беднякам давали лучшие земли и вблизи станицы, зажиточным (независимо казаки они или иногородние) — далеко от станицы. Так как казаки в своей значительной части в глазах большевиков, относились к группе населения контр-революционно настроенного, то большинство из них получило худшие и наиболее отдаленные участки.

Таким образом, под действием большевистской экономической и политической нивелировки, казаки и иногородние оказались в одном лагере против большевистской власти. В это время уже не было делений на казаков и иногородних. Были только станичники, которых одинаково давили советские клещи.

Начиная с 1928-29 годов Кубань пережила ряд новых потрясений, связанных с проведением мероприятий по сплошной коллективизации.

Часть казаков и иногородних, со стороны которых советская власть опасалась активного сопротивления проводимым мероприятиям, была выселена из пределов Кубани. Выселены были офицеры, зажиточные и рядовые казаки и иногородние, пользовавшиеся общественным доверием. Затем выселение усилилось. В далекую Сибирь со всех концов Кубани потянулись длинные эшелоны, увозящие тысячи свободолубивых сынов вольной Кубани. Здесь были и казаки и иногородние со своими семьями, единственной виной которых было нежелание вступать в организуемые колхозы.

С выселением анти-советского элемента сопротивление станиц не прекратилось. Для подавления этих настроений был организован искусственный голод, вырвавший из жизни десятки тысяч людей. Кубань обезлюдяла. Станицы разваливались. Кубань переживала самую жуткую страницу своей истории. Здесь, как и прежде, смерть не делала различий между казаками и иногородними — выбывало коренное население Кубани.

Но Кубань, являвшаяся житницей России не могла быть без людей. Большевики это понимали очень хорошо. Поэтому были приняты все возможные меры к заселению Кубани.

Это заселение шло 3-мя путями.

1. На Кубань было вселено в порядке планового переселения семьи демобилизованных красноармейцев (мне называли в свое время число прибывших семей в 1932-33 г. равное 10,400). Эти семьи прибывали из Белоруссии, Ленинградской области и из Центральных областей. Прибывших размещали главным образом в станицы Черноморья (бывшие

отделы Ейский, Екатериноградский, Таманский и Кавказский). Предгорные станицы не затрагивались. Переселенцев вселяли в дома выселенных кубанцев, предоставляя им их имущество, скот и обеспечивая кредитами на устройство. Земля переселенцам не выделялась в единоличное пользование, так как переселенцы были организованы в колхозы.

Условия жизни и особенно работы на Кубани для части переселенцев оказались слишком тяжелыми и эта часть выехала обратно на родину.

2. Наряду с плановым переселением шло внеплановое переселение. Это те же самые демобилизованные красноармейцы и другие, являющиеся родственниками и знакомыми плановых переселенцев. Ехали они за свой страх и риск, но на месте устраивались как и первые с той лишь разницей, что они не получали кредитов на устройство. Таких переселенцев было не меньше, чем плановых, при этом они оказались более устойчивыми и большинство их прочно осело на Кубани.

3. Текущие переселенцы — это контингент населения, бежавший в разное время от голода или других лишений из самых различных частей России. Были люди и из Украины, Воронежской обл. и даже из Сибири. Эти переселенцы вынуждены были разъехаться по всей Кубани, отыскивая места не заполненные первыми двумя группами переселенцев.

На основании сказанного можно сделать такие выводы в отношении положения на Кубани до начала теперешней войны.

1. Коренное население Кубани — казаки и иногородние составляли меньшинство. Большая часть иногороднего населения вселилась на Кубань после 1930 года.

2. На Кубани создалось неравномерное распределение населения: с одной стороны заселялись больше центральные, южные и западные районы и мало заселялись предгорные; с другой стороны коренное население больше сохранилось в предгорных районах.

3. В связи с этим земельная площадь, приходящаяся на 1 едока в колхозах сильно варьирует в пределах от 2 до 12 га на едока, достигая в отдельных случаях 20 га.

4. В самих станицах, сильно разрушенных в годы лихолетия, наблюдается большой недостаток жилых помещений и сильное перемещение населения по усадебным местам.

Это положение еще более ухудшилось в годы войны. Часть коренного населения было взято НКВД. Сюда вошли лица, включенные в особые списки, как ненадежные, а также семьи, в которых были члены (муж или жена) немецкого или итальянского происхождения. По данным полученным германским командованием казаки составляли в это время всего 18%, при чем эту цифру нужно считать несколько преувеличенной за счет коренного иногороднего населения. Убыль коренного населения во время войны снова пополнилась эвакуированными из Западной и Приднепровской Украины. Следовательно, нужно ожидать еще большего снижения % казачьего населения, которое будет еще больше к концу войны в результате расправы большевиков с коренным кубанским населением.

Из приведенного видно насколько запутан иногородний вопрос на Кубани и насколько сложно и необходимо дать на него правильное решение.

Необходимость решения этого вопроса обуславливается тем, что без него не мыслимо правильное решение вопроса о возрождении казачества.

Не претендуя на абсолютную правильность и исчерпывающее решение этого сложного и большого вопроса, я хочу высказать несколько основных положений по данному вопросу.

1. Учитывая незначительный % в составе населения Кубани природных казаков, необходимо в состав казаков включить часть коренного иногороднего населения, оформив приписку их со дня пребывания их на Кубани. При этом в составе казаков не делать различий между коренными казаками и приписными. Это даст возможность создать довольно крепкое казачье ядро, имея ввиду, что это коренное иногороднее население, проживая долгие годы в станицах, усвоило лучшие традиции и обычаи казачества.

2. Приписке в казаки в данном случае подлежит иногороднее население, проживающее в станице до 1930 года и занимавшееся сельским хозяйством. Ремесленники и служащие, проживавшие в станице до 1930 г. могут быть приняты в казаки только по их личным заявлениям и после утверждения приема станичным сбором.

3. Остальное иногороднее население может быть приписано к казакам только после тщательной проверки каждого в отдельности иногороднего с точки зрения:

а — политической благонадежности;

б — общественной ценности;

в — моральных качеств;

г — участия в освобод. движении.

4. Самой собой разумеется, что выборы в станичное правление и решение станичных дел может производиться только казаками (коренными и приписными).

5. Вопрос земельный должен решаться исходя из необходимости самым решительным и скорым порядком ликвидировать последствия войны и поднять хозяйство на высокий культурный уровень. В этих целях станичный земельный фонд должен быть разделен на 2 части:

1 — наделная земля и

2 — общественный фонд, в который включается и часть совхозовских земель.

Наделная земля должна быть выделена в размере, необходимом для покрытия полностью нужд населения по норме устанавливаемой станичным сбором на 1-го трудоспособного на срок одного севооборота — 4—6 лет.

При этом различия при выделении участков между казаками и иногородними быть не должно — каждый должен принять участие в восстановлении хозяйства.

Общественный фонд в этот период должен служить для удовлетворения нужд вновь прибывшего населения, а также обеспечения земель в повышенной норме многосемейных и нуждающихся. По прошествии установленного срока земельный вопрос должен быть пересмотрен с таким расчетом, чтобы каждый казак получил свой надел в постоянное трудовое пользование (общинное или отрубное) из наделного фонда, а все иногородние (не приписанные за этот период в казаки) должны получить надел на срок установленный станичным сбором из запасного фонда. Такой порядок дал бы возможность, не задерживая общего хода восстановления хозяйства, отрегулировать вопрос о казачьем контингенте и перейти к твердому землепользованию.

6. Особо остро будет стоять вопрос по урегулированию приусадебных мест. Этот вопрос сложный и, как раньше указывалось, чрезвычайно запутан. Нам кажется будет правильно разрешить его по следующей схеме:

1. Станичный сбор определяет размер приусадебного участка исходя из местных условий и конкретной обстановки.

2. В первую очередь восстанавливаются приусадебные участки казаков (коренных и приписных) с распространением на них прав, вытекающих из имущественных отношений, имевших место до 1930 г. После устройства казаков устраивается прочее население.

Мы закончили рассмотрение данного вопроса в основных чертах. Разумеется, что в нашу задачу не входит детальное рассмотрение всех вопросов, входящих в комплекс «возрождения казачества».

Залевский

На службе

ФОТО —

В разведке

Прохождение Н-го казачьего полка через город Х. под звуки марша собственного полкового оркестра на белых конях

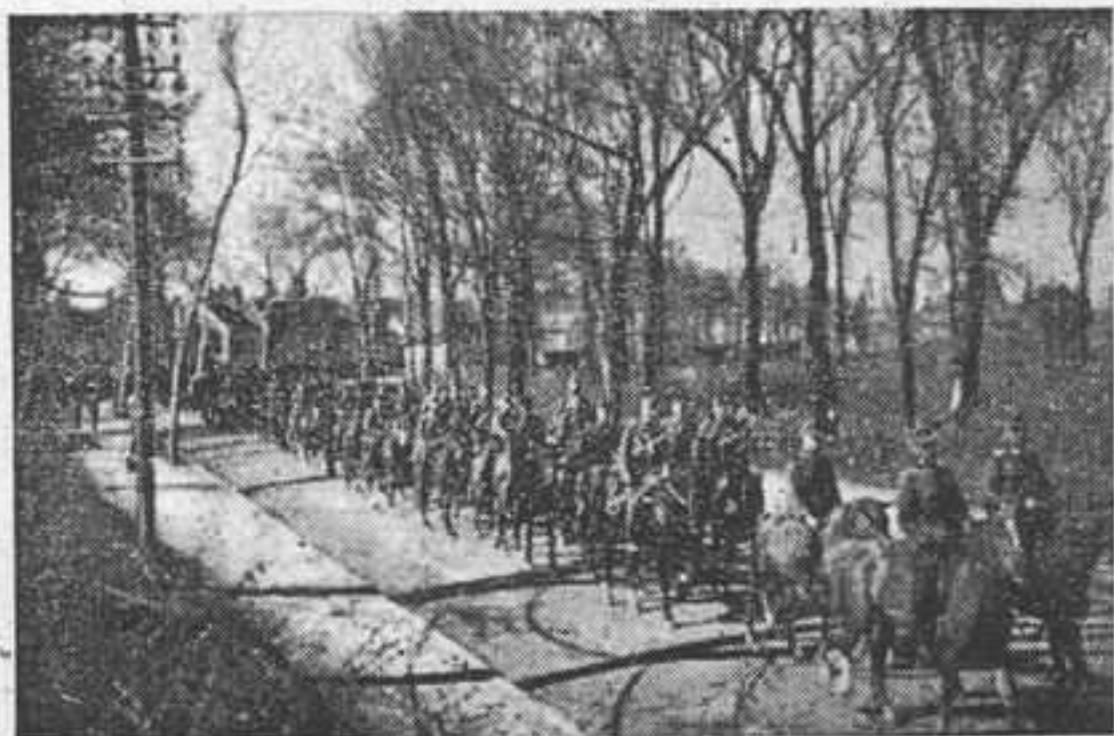
Делу — время, но и потехе — часок

Во время боя конный связист прискакал к артиллеристам с приказанием от начальства

Казачеству

ХРОНИКА

Выступление в поход казачьей конницы

Начальник казачьего резерва ген. А. Г. Шкуро посетил
Н-ой пеший казачий батальон

На утренней позерке

Иногородний вопрос в Терской области

Решение этого, многообразного и затрагивающего слишком глубоко и зачастую больно казака и иногороднего, вопроса для рядового казака (каким считаю себя и я) зачастую непосильная задача.

Поэтому не вдаваясь в полемику, я хочу коротко осветить этот вопрос так как я его понимаю.

Нельзя всех иногородних гнать от себя, нельзя кичиться перед ними своей «голубой» кровью, но невозможно и принять их всех с распростертыми объятиями в свою казачью семью.

Не касаясь вопроса земли (ее, матушки, после войны будет более чем достаточно), я всех иногородних, проживающих на территории моей Терской области разделяю на три категории, а именно:

I-ая. Иногородние, проживающие в казачьих станицах с дореволюционного времени, — поселившиеся ранее 1917 года.

II-ая. Иногородние, пришедшие в казачьи станицы в периоды 1920—1928 и 1929—1942 гг.

III-ая. Иногородние, находящиеся в настоящее время в рядах казачьей армии.

I-ая категория в основном за годы НЭПа вросла в казачью массу и ничем не отличается от казака, лучшая ее часть вместе с казаками была в свое время раскулачена, и перенесла все тяготы подсоветской жизни. Нередки случаи, когда прежде враждовавшие в станице казак и «мужик» одною пилой валили вековые сосны в Сибирской тайге, или катали тачку с песком, воздвигая пирамиду.

Отталкивание в настоящее время этой части населения наших станиц от казачества было бы величайшей несправедливостью.

II-ая категория, люди, шедшие в казачьи станицы с весьма различными целями. Здесь нужно подходить к каждому индивидуально и рассматривать его всесторонне. Ведь не секрет, что в эти годы в казачьи края бежали так называемые «кулаки» из других областей России с той же самой целью, с какой наш гребенец или сунжинец драпал в Грузию, в Ашхабад и другие обители казачьего спасения от всевидящего ока НКВД. Но наряду с «кулаками» в казачьи станицы шел и «пензинская» с тем, чтобы поселиться в казачьей хате и есть «белая пшанишная» хлебушек.

Как одного, так и другого нужно рассматривать с точки зрения его отношений к коренному населению станицы. Зачастую тамбовский кулак поселившись в казачьей станице, меняя шкуру и во имя, «лишь бы жил» — становился активистом, даже коммунистом и гнул в бараний рог и казака и «мужика» из I-ой категории. Таким безусловно не место в казачьей семье и на священной казачьей земле.

Другое дело, если этот пришелец мирно ел свой обильно политый слезами и потом, но отнюдь не «белай» — тощий колхозный кусок. Волен он оставаться в казачьей семье и строго блюсти наши обычаи и законы, пусть остается и живет, нет, скатертью дорога обратно в Пензу.

III-я категория, люди в большинстве своем узнавшие о казачестве, — очутившись в германском плену и влившись в казачьи формирования. Они являются в настоящее время нашими боевыми товарищами, нашими «полчанами» и «односумами» со всеми вытекающими из этих эпитетов последствиями. Я конечно не имею здесь ввиду тех, кто перебежал в стан наших врагов или собирается это сделать,

всех стричь под одну гребенку нельзя, в болоте, говорят, не без чорта.

Здесь нужно только сказать, что с приемом этих людей в казачьи станицы нужно подождать до возвращения в казачьи же станицы. А то получается немного коряво когда принимают в жители станицы Боргустанской и пруссака и армянина и самарского крестьянина, а станичный круг этой станицы представляет какой-нибудь ширый черноморец из-под Темрюка, который в Боргустане сроду не был.

Да и сами новоиспеченные станичники не горят желанием ошачить Боргустан своим поселением.

Вопрос о земле не нужно связывать с вопросом об иногородних. На тех казаков, которые после войны будут жить дома на Тереке, земли достаточно, мы — казаки никогда не были скупыми и у нашего стола никогда и никто не оставался голодным.

Вот мое мнение о решении (если можно так выразиться) «Иногороднего вопроса на Тереке».

Унтер-офицер А. Прокопов

Поскорей в страну родную!
К берегам родной реки!
Соберемся в рать лихую —
В батальоны и полки...

Приготовьтесь, братья, к бою.
Ноги — в стремя! Час не ждет...
И над родиной прекрасной
Солнце яркое взойдет.

Скубани.

В первой казачьей

Очерк третий

Полковник Кононов

В Борисове майор Кононов пробыл около месяца. Отдохнул. Написал рапорт о желании принять участие в борьбе с большевиками. В октябре 1941 года, примерно, майора Кононова вызвали телеграммой в Могилев. Генерал Шенкендорф, командир Танкового корпуса, лично ознакомился с его жизнью.

С этого момента началась организация 102-го казачьего эскадрона, куда вошло до 200 казаков. Дальше последовало формирование 2, 3, 4 и 5-го эскадронов, где уже принял участие и лейтенант граф Риттберг.

В течение трех лет граф Риттберг становится ближайшим помощником майора Кононова. Объяснялись они оба на особом жаргоне — смеси русско-немецких слов, жестов, мимики — и могли понимать только друг друга, пока впоследствии майор Кононов не подучил немецкий, а граф Риттберг — русский язык.

Казачий полк получил наименование 600-ое казачье отделение. Вначале немцам было странно видеть на их стороне казачий полк, участвующий совместно с ними в борьбе с большевиками. Не совсем доверяли: как бы чего не вышло. А потом, по мере того как полк начал показывать себя в районе Бобруйска, Могилева, Смоленска, Невеля, Полоцка и т. д., в полк начали приезжать генералы, полковники и рядовые: «Что это за казаки? Как они живут и сражаются?». В немецких и русских газетах появились фотографии, статьи о казаках. Весть о казаках дошла даже до «родного» Сталина. За голову майора Кононова, живого или мертвого, в приказе обещалось вознаграждение в 45.000 рублей.

Н-ский Кононовский — ныне здравствующий — помнит партизаны и красные лесов Белоруссии, Польши и Балканских гор.

Начали с того, что получили полудохлых лошадей, скелеты обтянутые кожей, которые надо было поднимать за хвосты, чтобы почистить.

Отходили казаки после плена, отходили кони. Перед вступлением в 1-ую дивизию (лето 1943 года) полк имел 7 орудий, 19 грузовых машин, 3 легковых, свыше 120 прекрасных русских пулеметов, 48 ручных, автоматы, винтовки, пистолеты имели все казаки. Свыше 1000 хорошо откормленных лошадей. И все это было отбито у красных, у партизан. Полку было чем гордиться.

Один из больших и главных заслуг майора Кононова та, что он сам лично в лагерях военнопленных отбирал казаков и командиров. И из вчерашних бойцов и командиров, порою проникнутых советским духом (это теперь не секрет), сумел воспитать, подготовить стойких бойцов и крепких командиров в борьбе с ненавистной властью жидов и большевиков. Майор Кононов указал правильную цель, в кого должны стрелять казаки, чтобы вернуться на свою казачью землю.

В Кононовском полку весь офицерский состав — казаки, но в строительстве полка большое участие принимали и немецкие офицеры и немецкий персонал. Боевая жизнь, пролитая кровь тех и других, спаяли, сроднили казаков и немцев.

В мае 1943 года по приказу немецкого командования полк вошел в 1-ую казачью дивизию.

При отборе казаков в Смоленской лагере отобранные казаки майором Кононовым становились «налево», оставленные — «направо». Были и курьезы: соловчанский казак четыре раза передевался, пока не получил желанного «налево». Майор Кононов замечал проделки казаков и под его светлыми усами пряталась довольная улыбка.

26 первых казаков-добровольцев явились основой 102-го казачьего отделения. Есть жертвы. Без них нельзя. Убиты: Борисенко, Мудров, Гранц, Семенов, есаул казак-оренбуржец Катянов и др.

За все время полк не имел (за 3 года) ни одного поражения. Но зато партизаны Тито хорошо его знают.

Улыбаясь, полковник Кононов говорит:

— Несмотря на хороших лошадей в полку, я с трудом до-

гоняю банды Тито. В этом я думаю Тито должен быть благодарен моему полку и мне, что выучили их набирать невысшую скорость.

Будут помнить нас 12, 18, 27, 28-ая и Чешская партизанские бригады. Эти бригады хорошо мне помогли в усилении мощи полка, пулеметами, минометами, автоматами, лошадьми и продовольствием.

В этих словах не столько личная гордость, сколько гордость за свой полк, за своих казаков. «Вот-де какие они у меня ребята!» Гордость отца, любящего и воспитывающего свою семью.

Были случаи, когда вместе с эскадронами с криком «ура» неслись вперед ездовые обозы и кухни, помогая своим друзьям в бою.

Приказом немецкого командования майор Кононов производится в полковники. Он имеет 9 орденов, из них: Железный крест 2 класса, 1-го класса (получил 7 сентября 1944 г.), Рыцарский нашийный хорватский крест, все 5 восточных медалей (бронзовые, серебряные, золотые) и др.

Любимая поговорка полковника Кононова: «Мои родные, мой родной...» Но вслед за этим может последовать и хороший «укол» (по его выражению). «Уколы» он делает и казакам и командирам, когда кто-либо провинится. Причем «укол» может проходить в бурном темпе. Повидимому здесь сказывается характер отца-покойника. Но все знают зря, понапрасну полковник человека гонять не будет.

Полковник Кононов в своем полку

Казак лезет на лошадь, а после плена силенки слабые — трудно казаку взобраться на лошадь.

— Лезь... трам-тарарам!.. Казак испугался, напряг силенки... «Ну вот — влез... А теперь пойдём опрокинешь для крепости»... И казак и полковник оба широко улыбаются и идут опрокинуть «по маленькой».

Про полковника Кононова рассказывают много анекдотов.

Землянина.

1943 год. Лето. Балканы. Полк пошел в операцию. По сержанту едет на машине Кононов с лейтенантом Гончаровым проверить: как идут казаки. Заехали куда-то в сторону. Лейтенант Гончаров держит автомат наготове: «Г-п полковник, можем попасть к партизанам...» Смотрят: по траве лезят казаки — едят землянику; целый день не кушали.

Лица и руки в ягоде. Взглянули: «Полковник... Ну будет сейчас нагоняй...» — Испугались... А командир эскадрона, лейтенант Гюнтер, вытянулся и застыл на месте.

Полковник Кононов вылезает из машины:

— Стройся, сынки!

Построились.

— Пошли за мной! Я там видел много земляники...

У всех отлегло на сердце. Земляники действительно видимо-невидимо... Казаки лезут на четвереньках а с ними и полковник. Лишь кое-где раздаётся:

— Ребята!.. Вот где земляники! Как грязи!..

Бочка с вином.

В Боснии. В горах. Полковник Кононов стоит на горе. Под горой казаки катят бочку с «ракой» литров на 200. Кононов кричит вниз:

— Давай сюда, сынки! Хорошая рака?

— Не пробовали, г-н полковник...

— Давай сюда попробуем...

Казаки кричат, — тяжело катить на гору 200 литров. Вкатили. Отирают пот со лба.

— Ну и здоровая проклятушка... Аж вспотели...

— Ну как-же тут не вспотеть... А ну попробуем...

Выбили затычку. Пробуют.

— Хорошая штука... Сливовица... А, ну-ка сынки; давай ее сюда...

Казаки подкатывают бочку на край обрыва. Обрыв круто идет вниз. Внизу долина, лес...

Казаки смотрят: что же будет дальше? Полковник сильным ударом ноги пускает бочку вниз. Бочка летит стремительно под кручу. Из отверстия фонтаном бьет струя раки. Наконец налетает на дуб и вдребезги разбивается, обдавая брызгами ближайшие кусты.

— Ну вот вам и картина, сынки, и в кино ходить не надо...

«Снимай рубашку!»

Едет пьяный казак. Навстречу — полковник Кононов с графом Виттберг. Казака сильно качает в седле. Подъезжает к полковнику доктор Галишевский. Кононов резко приказывает казаку:

— Слезай!

Казак, вдруг начинает трезветь, смотря на полковника. — Снимай рубашку!...

Казак снимает рубашку, с каждой минутой все более и более приходя в себя. Лица графа Риттберга и врача Галишевского бледнеют...

— Расстрел!...

В это время, едущий с полковником казак, достает ведро воды на колодца.

К пьяному казаку.

— Нагибайся!...

Казак нагнулся.

Полковник Кононов берет ведро с водой и льет на голову и спину, прихлопывая ладонью...

— Ну, как — хорошо?

— Добре... Ого-го-го-го!... — речет казак от холодной воды.

— Ну, теперь одевайся и спать... Вечером доложишь командиру, что выпался.. Ясно?..

— Ясно, г-н полковник!...

Любители галоп.

По дороге на полном карьере мчатся два молодых казака, стараясь перегнать один другого.

Спины выгнулись, в молодых глазах задор, из под копыт летят ошметки.

Сзади, догоняя казаков, пылит легковая машина.

Полковник Кононов встает во весь рост. Он терпеть не может когда казак, без нужды, топчет лошадь.

— Стой, ребятки! Стой! А вы хорошо ездите, настоящие джигиты... Хоть на международные состязания пускай... Едва догнал... А ну-ка слезайте...

Слезли.

— Расседывай...

Расседлали.

— Теперь, ребятки, берите седла на спину и несите до дому... Надо-же и лошадам отдохнуть, — смотрите как они бедные дышат...

Ребята взвалили седла на спину и потащили три километра, ведя лошадей в поводу.

За мной приходит сотник Сидоров — нач-к Штаба и ведет на квартиру.

Мы уславливаемся с полковником встретиться вечером и тогда поговорить основательнее.

Александр Яганов

Мы куем кадры

Очерк
Продолжение*)

I

Раскатами грома понеслась песня по холмистой местности:

На заре во поле, у кургана,
Прижимая стремя у седла,
Провожала в армию Татьяна
Своего любимого орда...

И чем далее от расположения лагеря школы юных казаков уходили сотни, тем мелодичней и трогательней звучали близкие сердцу слова песни. Они напоминали каждому юному казаку о родном крае, о любимой девушке, о частом бесповоинном биении сердца, когда ранняя любовь впервые постучалась в маленькое окошечко отроческого сердца, о братьях и сестрах, о родных, оставшихся на страдания, на разграбленной и опустошенной казачьей родине. И вместе с тем она зовет к единению, к дружбе, к решительной схватке во имя светлых идей возрожденного казачества.

Сотни юных звонкоголосых, остроглазых и резвых, с коричневым загаром кожи казаков ушли на тактические занятия за исключением трех-четырёх десятков. В лагере расположения остались: хозяйственники, рыболовы, суточный наряд по школе и человек шестнадцать, которым предстояло в этот день сдать испытания по истории, географии, арифметике, русскому и немецкому языкам — по общеобразовательным дисциплинам — на право получения спортивного значка. Мне было поручено провести испытания по истории.

*) См. № 37 «На Каз. Посту».

— Как же я буду проводить испытания по истории, ведь я не был ни одного раза ни на одном уроке... — попробовал отговориться. На самом деле я преподавал в школе литературу, а есаул М. И. — историю.

— Ничего, как-нибудь проведете, ведь они все равно все позабыли, — говорит мне обер-лейтенант Миши. Я отчетливо себе представлял порученную работу: юным казакам надо было выставить отметки, причем отметки официальные, так как без отметок они не могли получить спортивного значка, хотя бег, плавание, прыжки, бросание диска, гранаты, нормы по стрельбе — все было сдано. Я сознавал, что классные занятия были прекращены в начале мая и что за лето они все позабыли, это я принял во внимание. Перелистал я первую и вторую части первой книги «Исторические очерки Дона» Н. Н. Краснова, и приступил к экзамену. Человек семь-восемь отвечали бойко, хотя мысли высказывали не совсем точные, но последовательные и главное уверенные, чему я не мог не удивиться... Следующий по порядку был юный казак Семен Остроушко. Более четырнадцати месяцев прожил я вместе с ним. С первых дней организации школы попали мы с Семой в школу. Я был командирован как воспитатель, а он как воспитанник. В первые дни унтер-офицерского состава в школе не хватало: учителя проводили и общеобразовательные и строевые занятия, хотя и юных казаков было тогда менее, чем одна пятая часть к числу, которое мы имеем теперь.

На первый вопрос Остроушко ответил и я задал второй:

— Как назывался в России последний царь? — Не думая долго, Сема ответил:

— Иван Грозный...

Я был и недоумением. Слова повторил вопрос.

— Иван Грозный... Нет, нет, — спохватился Остроушко, — Николай 4-й...

— Николай 2-ой... — помог я ему. Мог ли я бросить ему обвинение? Конечно, нет... Не он виноват... Большевиком все русское, начиная от истории, всего культурного наследия России, подменил в школах проклятым диалектическим методом; он внедрил в мозги юному племени ненависть ко всему хорошему и привил навязки и значения к бессодержательному большевистскому, напичканному не историческими справками из истории русского народа, а из истории коммунистической партии и насквозь лживой советской конституции. Пороками этого воспитателя не только страдают ученики, но и ряд молодых учителей, к числу которых принадлежу и я, хотя многие из нас окончили высшую школу.

II.

Стояли жаркие летние дни. От жары болела голова, когда нельзя было найти укрытия: в палатке жарко, в гуще деревьев душно. Юные казаки с неохотой покидали озеро. Все свободное от занятий время они проводили у озера, купаясь семь-восемь раз в день... Черешни и вишни отошли уже давно, яблук было много, а орехи были еще зелены. Винограда и персиков в этой местности не было. Рыбы в озере было много, но не бралась она на удочки. Старый казак по прозвищу «есаул» — денщик лейтенанта Мукасеева, один ловил жирную форель и большие окуни. Никто этого секрета не знал. Все видели, что уходил он с одной палкой, в конец которой был вбит тонкий длинный гвоздь. Лукутцов отдал этот секрет. К вечеру он наколот до двадцати окуней

и четыре жирные форели поймал под камнями руками. Об успехе Лукутцова знала вся школа.

Утром я пошел к командиру 1-ой сотни — обер-лейтенанту Вожинскому. Через час мы шли к озеру, где атаманы организовали массовый улов рыбы. Юные казаки выбрасывали крупных красноперок и карпов на песчаный берег. Среди крупной рыбы попадались и мелкие рыбешки: окуни, лещики, ершики. Атаман Горб с берега командует:

— Осторожно... Осторожно... Сети порвете. Баловни... — поучал старый атаман. Журавченко и Иващенко подбегают и складывают в ведро.

— Сколько?

— Сто три штуки!

Атаман Горб записывает на ладони карандашом «103», потом приказывает:

— Несите.

Рыбу казачата несут в садок, поближе к кухне, где ее снова пересчитывает другой атаман, хорунжий Шашков, и голосом подает:

— Сто-о-о!

— Ишь, бесы, украли три штуки... — ворчит старый атаман.

— Да они, может, ошиблись, — оправдывается Журавченко...

— Может и ошиблись, — соглашается атаман. Каждый вечер — делит рыбу. Я вспомнил вчерашний случай, когда Лукутцову не дали по какой-то причине рыбы и он, обиженный, со злобою несколько раз повторил: «Пускай она вся подыхает».

В. Никонов.

(Продолжение следует).

О л я

Повесть Продолжение*)

III.

Минут через пять, чувствуя себя достаточно отдохнувшей, Оля не захотела сидеть в комнате и вышла во двор.

Было ясное небо. Тысячи звезд слабо мигали над головой, но луны сегодня не было и полумрак попрежнему окутывал село. Все та же стояла вокруг тишина.

Пройдя вглубь двора, к конюшне, она увидела там на привязи лошадь, оставленную здесь казачьей сотней вероятно в спешке, или просто за ненадобностью.

Забыв прежнюю усталость и возможную в пути опасность, Оля решила, что ей здесь оставаться больше совершенно незначит, притом крайне хотелось поскорее узнать о том, что сейчас происходит в ее селе, а верхом на лошади гораздо легче и быстрее можно туда возвратиться. Недолго думая, она подошла к привязи, за неимением под рукой седла положила на спину лошади валявшийся здесь мешок с сеном, отвязала поводья, легко взобралась на спину, уселась поудобнее на мешке и, тихо понукивая, выехала со двора.

За селом ночная прохлада ощущалась сильнее и она, припоровив лошадь, поехала рысцой, чтобы поскорее добраться домой. Вначале она боялась, что не усидит на мешке, упадет и поэтому крепко ухватилась за гриву, но лошадь бежала ровно, без особой тряски и Оля успокоилась.

Проехала по дороге в направлении села Лесничихи примерно половину пути без всяких происшествий, как вдруг впереди нее, вдали, ночную тишину прорезал ружейный залп. Затем раздалось еще несколько одиночных винтовочных выстрелов и опять все затихло. Полагая, что по пути ее следования, вблизи села, завязался, вероятно, бой казаков с бандитами, Оля свернула лошадь с дороги в сторону и поехала лесом напрямик.

Проехав минут десять между густых высоких деревьев по кривой запутанной тропинке, ей почему-то стало казаться, что она едет не в ту сторону, в которой находилось село Лесничихи. Через минуту она окончательно пришла к такому заклю-

чению и, повернув лошадь полукругом налево, быстрым шагом поехала в другую сторону по неизвестному, но казавшемуся ей правильному, пути.

Время от времени, когда местами деревья редели, ударяя лошадь ногами, Оля пускалась легкой рысцой, стараясь побыстрее добраться к своему селу. Однако, прошло минут сорок такой езды, а ни села, ни дороги нигде не было видно. Местность была совершенно незнакомой. Лес стал гуще, выше и она наконец поняла, что заблудилась, но не могла даже никак сообразить, в каком именно месте сейчас находится и в какой стороне от нее село. По звездам Оля не умела ориентироваться, а луна, находившаяся в эти дни в четвертой фазе, еще не вошла, однако, не останавливаясь, надеясь на удачу, она все же продолжала ехать вперед, сама не зная куда. Проехав еще несколько минут, Оля в'ехала в такую дремучую чащу леса, что дальше продвигаться становилось мало возможным и она хотела повернуть лошадь обратно, как вдруг перед ней внезапно выросла фигура солдата, который, грубо схватив, в один момент сбросил ее вниз.

— Что за птица ночная залетела сюда? Почему и как здесь оказалась? — раздался голос рядом стоявшего с ней незнакомого человека.

Оля от такой неожиданности сразу не догадалась с кем имеет дело: она почему-то предположила, что это кто-нибудь из их охранной полиции и, ничего не подозревая, кратко рассказала ему почти всю правду о происшедшем в эту ночь в ее селе и почему она оказалась в этом незнакомом месте.

— Ага! Вот здорово! Так вот ты какая, ночная краля! Вот уж совсем не ожидал, сама изволила пожаловать к нам! — после ее рассказа прозвучал этот вооруженный человек. Другой солдат, вынырнув откуда-то из-за деревьев и держа автомат наготовку, тоже подошел к ним.

— Вот смотри, товарищ Войтов, я не рыбак, а какой экземпляр белорыбицы я сейчас здесь сейчас! — сказал первый подошедшему солдату, указывая кивком головы на Олю. — Можно бы ее здесь гово... а потом и самим списать со счета, да, пожалуй, она может оказаться полезной. Поэтому препро-

*) См. № 37 «На Каз. Посту».

водим-ка ее сейчас же в отряд к зам. командира по политчасти. Ты иди впереди и показывай сей канарейке дорогу!

— Правильно, товарищ Королев! — ответил ему Войтов, — понятно, необходимо отвести ее к начальству и без задержки. Пошли!

— Эй, ты, босоногая краля, марш вперед и по сторонам не смотреть! — строго крикнул задержавший ее Королев и, показав еле заметную тропинку, извивающуюся среди густого и высокого леса, грубо толкнул Олю в спину.

Минут пять они шли различными обходными путями, иногда прямо через густые заросли, иногда по еле заметным тропинкам.

Показались замаскированные зелеными ветвями землянки, кое-где лежали сложенные в квадратные ярусы ящики. В этом месте шедший впереди солдат Войтов возвратился и теперь с Олей пошел один Королев. Изредка здесь встречались одиноко-сновавшие вооруженные люди, от которых слышалось слово «товарищ» и непрерывно исходила блатная ругань.

Только теперь Оля окончательно поняла, что она попала в логовище бандитов. Она кусала себе губы от злости на самое себя за такую непростительную ошибку, приведшую ее в это роковое место. Сердце сжималось от страшного предчувствия, но она ничуть не выдавала своего волнения, а ровной и твердой поступью молча шла среди вражеского стана.

Остановившись возле хорошо замаскированного входа в одну землянку, сопровождавший Олю Королев, оставив ее под надзор стоявшего у дверей землянки часового, сам спустился внутрь в это подземное помещение. Через минуту он оттуда вышел и, приказав Оле держать руки сзади, протолкнул ее впереди себя в эту земляную хату.

Землянка оказалась хорошо обставленным служебным помещением с видом обыкновенного полевого штаба воинской части. За столом, стоявшим в углу землянки, сидел небольшого роста с красными, вероятно, от пьянства, а возможно от бессонных ночей, глазами человек в чине советского капитана с двумя орденами на груди: «Красная звезда» и «Орденом Ленина». На скамейке сбоку него полудремало еще два, вероятно, его помощника. У стены, напротив стола, висел большой портрет Сталина.

— Вот, пожалуйста, товарищ капитан, это и есть та почная продажная особа, о которой я сейчас докладывал. Но не смотрите на ее молодость, она несомненно является самой заядлой представительницей вражеского нам казачества! — едва войдя и показывая на Олю, рапортовал сидевшему за столом капитану солдат Королев.

Капитан, будучи заместителем командира отряда по политчасти, окинул ее беглым взглядом и первоначальная суровость его сменилась лисьим выражением лица.

— Вот эта такая девочка и верхом на коне? — здорово! Откуда молодайка? — ласково спросил капитан.

— Оттуда, — не мигая глазами, отвечала Оля.

— Но ты все же будь серьезной, я спрашиваю родом откуда? А?

— С Кубани! — резко отвечала Оля.

— Казачка?

— Да!

— И как же это ты решилась ехать звать себе на помощь подобных тебе изменников против наших доблестных воинов? Оля промолчала.

— Такс, угу! — промычал замкомандира и, приняв серьезное выражение лица, произнес: — А знаешь ли ты, кубанская зазнобушка, что мы всех таких, продавшихся фашизму, казачек вроде тебя без всякого рассусоливания немедленно отправляем в присподнюю к прапрадедушке? Уничтожаем без всякого сожаления, как самых непримиримых врагов советской родины?

— Я это знаю, — спокойно отвечала Оля.

Капитан от такого спокойного и прямого ответа молодой девушки как-то замаялся и, не зная с чего начать, немного подумав, продолжал:

— Хорошо. Ставлю в известность, что к раскаявшимся в своем заблуждении и добросовестно рассказавшим нам обо всем, что нас интересует, мы имеем особое снисхождение и не применяем высшую кару. Ты еще молодая и должна жить, а поэтому скажи: в каких еще селах, кроме вашего, находятся казачьи части? Раз ты к ним в ночное время едешь, значит должна об этом точно знать.

— В селе Невашино, — придумав пришедшее на ум название, без запинки отвечала Оля.

— Так и называется Невашино?

— Так и называется.

— Хм, не слыхал что-то такого; это, вероятно, новое название. — Не поняв иронического ответа, пробормотал капитан. — А сколько в нем, примерно, находится сейчас казаков? — спросил он.

— Миллион!

— Что? Фантазировать вздумала? — сразу изменив тон, сурово переспросил капитан, догадываясь, что девушка подтрунивает над ним и так безбоязненно.

— Не верите? Пойдите сами проверьте! Зачем тогда со мной и время тратить? — отвечала ему Оля.

— Молчать! — заорал еще громче капитан. — Ты еще смеешь здесь рассуждать? Я тебе сейчас такое сделаю, что ты ответишь мне все, как миленькая!

— Не говела твоя бабушка! — пронизировала Оля и, зло засверкав глазами, произнесла: — для такого лесного бандита, как ты, миленькой может быть только твоя Сара, а не казачка!

— Что?! — побагровев от злости, закричал капитан и, встав, схватив лежавшую на столе толстую книгу, запустил ею в стоявшую метрах в трех от него девушку. Оля не растерявшись налету перехватила книгу и обратным броском ловко вцепила капитану прямо в его лицо, затем прислонившись к стене, ждала, что будет.

Капитан совсем не ожидал такого обращения с ним пленницы. Сначала он даже растерялся, в гневе не зная на что и решиться. Он то вскакивал, то обратно садился. Хватался за рукоятку нагана и опять застегивал кабуру, шипел, матерился, но Оля все время стояла на одном месте, у стены и в упор смотрела на бесновавшегося своего врага. Она знала, что отсюда ей все равно не возвращаться. Но сейчас капитан или победило спокойствие девушки, или, возможно, у него были другие намерения, но он почему-то не расправился с нею здесь же, а, усевшись на стул, крикнул:

— Связать и бросить в холодильник! С казачьим отродьем нечего нам говорить, бесполезно! Пусть там остынет, а через полчаса я сам ее там обработаю!

Дремавшие на скамеечке около своего начальника два партизана вскочили и вместе с задержавшим Олю Королевым связали ей назади руки и грубо толкая, сопровождая самыми гадкими словами, вывели из командирской землянки. Пройдя метров сто, они привели ее к какой-то темной дыре с толстой квадратной дверью и здесь, связав ей еще и ноги, бросили на пол в эту земляную яму, называемую «холодильником». Затем, удалившись, они заперли за собой дверь и ушли, оставив снаружи одного часового...

IV.

«Вот где я нашла свой преждевременный конец», — думала Оля, лежа связанной на земляном полу в холодильнике. — «Неужели так рано должна прерваться моя жизнь? Боже, почему я так мало знала радостных дней?»

Она мысленно перенеслась в свою далекую Кубань, в родную станицу, расположенную над реками Ея и Сосык. В голове у нее всплыло свое не так далекое детство.

Оля вспомнила сейчас, как когда-то в своей станице, она ходила в школу и как с книгами подмышкой бегом возвращалась домой, зная, что ее встретит там папа, который, осведомившись о хороших отметках в ее тетради, всегда давал как-нибудь сладости. Если же она возвращалась раньше папы, то тогда, бросив на стол книги, сейчас же выбегала на улицу и на всех парах мчалась к нему навстречу, иногда даже за несколько улиц от дома. Встретив любимую дочь, папа всегда целовал ее и обязательно дарил заранее приготовленную конфетку.

Мама заботливо ухаживала за ней, также всегда была очень нежной и, не поцеловав, не отпускала ее от себя ни в школу ни в постель.

Правда, Оля иногда слыхала, как мама и папа, нередко ругаясь между собой, часто спорили о какой-то неверности друг другу, иногда выливающимися в прямую ненависть, но она мало что понимала в их раздорах. Для нее они оба казались самыми лучшими в свете и милее всех.

Картинка

Но вот неожиданно у папы с мамой произошел окончательный разлад и папа, несмотря на сильную любовь к детям, ушел от них.

Оля вспомнила, как при последнем уходе от них папы она, цепляясь за его колени, плакала и умоляла:

«Папочка, родненький, милый, не уходи от нас! Ведь для меня другого папы уже не будет больше. Папочка, оставайся с нами, ведь я же тебя сильно, сильно люблю!»

В это время мама спокойно лежала в кровати и ворчала:

«Ольга, замолчи! Пусть уходит, без него лучше будет!»

Папа долго тогда стоял около Оли и тоже плакал, как ребенок, но все же не остался и ушел.

«Прощай», сказал он и, крепко поцеловав Олю, спешно вышел из комнаты. Через минуту он возвратился, еще раз поцеловал ее и опять вышел. Остановившись у порога дома, он долго почему-то стоял. Затем Оля услышала, как он произнес: «Не вернусь!», и скрылся в темноте сентябрьской ночи. Это было его последним словом, которое она слышала от него, и с тех пор она потеряла его навсегда.

После этого прошло шесть лет. По словам мамы, уйдя от них, он якобы стал жить с какой-то другой женщиной, но она этого точно не знала.

Через год после ухода папы из дома, он прислал письмо с далекого севера, из лагерей заключенных, куда он был отправлен за какую-то «контрреволюцию». Тогда она еще не понимала этого странного слова, но теперь уже знает, кого на ее родине считали большевики «контрреволюцией».

Вскоре началась страшная война. Оля получила последнее письмо от папы, в котором он сообщал, что его прямо из лагеря мобилизовали и направили на фронт. Больше она от него ничего не получала.

Через несколько месяцев стало известно, что ее папа в первом же бою был убит. Правда, из штаба армии было сообщено ей, что он, якобы, числится в «пропавших без вести», однако, другие достоверные источники, полученные от оставшихся в живых участников того боя, указывали на то, что батальон, в котором находился тогда ее папа, был окружен и полностью уничтожен.

До получения такого печального сообщения Оля хотя и трудно переносила тяжелые материальные лишения, но все же все время жила успокаивающей себя надеждой, что, возможно, папа еще и вернется к ним, но теперь уже он потерян навсегда. А через короткое время после этого новое горе обрушилось на Олю. Незадолго перед приходом на Кубань немецких войск умерла ее мама.

Оставшуюся без надзора Олю с малым пятилетним ее братишкой Павликом, приняли в свой дом дедушка и бабушка, которые хотя тоже владели одинокое, жалкое существование, однако, не отказались принять своих внучат-сирот.

К осени этого же года тетя Оли, будучи бездетной, взяла Павлика к себе на воспитание. По инициативе немецкого коменданта дедушке дали из колхоза корову, муку и Оля, оставшись у него, все время помогала ему по хозяйству.

Но вот к неожиданности многих станичников немецкие войска оставили Кубанский край. Вместе с ними уходило почти

Я раздвинул камыш и в восторге немом
Словно замер над чудной картиной:

Полный месяц сиял, стлался легкий туман
Над зеркальной Дона равниной.

Тень густую отбросил лозняк. Тишина.

Спит баркас над песчаной косою...

Чуть дохнет ветерок и искрится река,

И камыш брызжет в воду росой...

За изгибом реки слышны всплески весла.

А вдали, точно рамка картины,

Озаренные светом дрожащим луны,

Гордо выпрямясь, дремлют раины.

Н. Красовский

все Северо-Кавказское казачество, боясь остаться на растерзанье большевиков. Люди бросали все и бежали на запад. И в этой народной лавине эвакуации оказалась и Оля. С тех пор она потеряла всякую связь и с родимым краем и со всеми своими родственниками. Что с ними и где они — неизвестно.

Наконец, волею рока, она очутилась в незнакомом ей городе Барановичи.

Там она случайно встретила со своим земляком, который эмигрировал с Кубани после гражданской войны, жил в этом краю уже долго, занимаясь сельским хозяйством и имея свой дом в селе Лесничь. Будучи в городе по каким-то делам и, встретив свою станичницу в бедственном положении, он с удовольствием взял ее временно к себе, утверждая, что село Лесничь скоро будет преобразовано в казачью станицу и тогда она будет чувствовать себя все равно как там, у себя на родине.

В этом селе располагалась казачья сотня, в которой она встретила несколько своих станичников, часто вместе с другими девушками проводила у них часы досуга, напевая совместные хоровые песни и под гармонику иногда выбивая «гопака».

И это ведь было так недавно, только вчера, а сегодня ее уже живьем зарыли в эту земляную яму.

«Зачем, зачем такая несправедливость? Разве я не хочу жить?» — шептала в отчаянии Оля. «Ну что-ж, не я первая, не я и последняя, не я одна так кончаю свою жизнь. Значит, так тому надо быть»...

Все эти воспоминания светлой вереницей мелькали в ее голове, но вдруг ее размышления были прерваны непонятными звуками и она насторожилась.

(Продолжение следует).

Ф. Печорин.

Р о з ы с к и

Казачка **Бобло** Екатерина Сергеевна разыскивает своего мужа **Филаровского** Иосифа Владимировича, рожд. 1909 г., из с. Мартинье Плужанского р-на Винницк. обл., отправленного 15-XII-43 г. германскими частями на работу в ст. Апшеронскую Майкопск. отд. Куб. обл.; и при оттошении эвакуированного неизвестно куда.

Соловьев Михаил Иванович, рожд. 1917 г., находящийся в колонии есаула Сидорова, разыскивает братьев **Соловьевых** Ивана и Георгия Ивановичей, уроженцев ст. Романовской, Ростовск. обл., и жену **Соловьеву** Лидию Савельевну, рожд. 1924 г., той же станицы.

Казак хутора Тормосина того же р-на ст. Есауловской, Сталинградск. обл., **Никулин** Петр Никанорович, рожд. 1901 года, разыскивает: сына **Никулина** Ивана Петровича, рожд. 1926 г., призванного в армию в 1943 г. в Ореховском р-не, Запорожск. обл.; братьев **Никулиных**: Мирона, Захара и Кондрата Никаноровичей, уроженцев ст. Есауловской, Тормосинского р-на, Сталинградской обл.; **Морозовых** — станичников той же станицы: Александра и Ивана Петровичей; **Токарева** Алексея Ивановича, **Карагичева** Ивана Панкратовича, **Никулина** Михаила Максимовича и **Карагичева** Леона Панкратовича.

Красиков Филипп Маркианович, казак ст. Есауловской, хут. Тормосина, того же р-на, Сталинградск. обл., разыскивает своих станичников: **Токарева** Петра Ивановича, **Напалкова** Михаила Иосифовича, **Мошнякова** Ивана Васильевича, **Тормосина** Александра Тимофеевича, **Титова** Леони Петровича, **Вифлянцева** Лаврена Яковлевича, **Медведева** Михаила Александровича, **Пискова** Ивана Никаноровича, **Полубоярова** Михаила Филипповича, **Елецкова** Иосифа Павловича и **Недорубова** Семена Степановича.

Казак ст. Каменской х. Красновки Донецкого окр. **Щербаков** Михаил Данилович разыскивает сына **Щербакова** Владимира Михайловича, рожд. 1925 г., раненого в боях под Володаровской и отправленного (по слухам) в госпиталь в г. Краков в августе 1943 г.

Игнатов Иван Федотьевич, рожд. 1896 г., ст. Екатериносинской хут. Виноградного Ростовск. обл. разыскивает **Игнатова** Василия Ивановича, рожд. 1924 г., ушедшего добровольцем в Германскую армию в 1943 г.

Маницкий Василий Григорьевич, рожд. 1912 г., хут. Ноговского Орловск. р-на Ростовск. обл. разыскивает отца **Маницкого** Григория Матвеевича, рожд. 1888 г.

Спиридонов Александр Григорьевич, рожд. 1898 г., хут. Камышина ст. Сиротинской Ростовск. обл. — **Спиридонова** Ивана Григорьевича, рожд. 1904 г.

Хухра Григорий Родионович хут. Ноговского Орловск. р-на Рост. обл. — сына **Хухры** Василия Григорьевича, рожд. 1926 года, взятого на работу в Германию 10-VI-43 г. из Запорожск. области.

Маницкий Василий Григорьевич, рожд. 1912 г., хут. Ноговского Орловск. р-на Ростовск. обл. — брата **Маницкого** Бориса Григорьевича, рожд. 1925 г. Возможно местожительство его — г. Николаев на Буге.

Данильченко Николай Федорович, рожд. 1907 г., разыскивает **Данильченко** Федора Николаевича, рожд. 1926 г., из ст. Урупской Кубанской обл.

Казак **Гринева** Иван Павлович, находящийся в бригаде атамана Харитонова — сына **Гринева** Петра Ивановича, рожд. 1925 г., поступившего добровольцем в фельд-комендатуру в мае 1943 г. Адрес сына: Ф. П. № 44298.

Кондрютсков Алексей Иванович — отца **Кондрютского** Ивана Александровича, рожд. 1886 г., и брата **Кондрютского** Владимира Ивановича, рожд. 1912 г.

Мальцев Андрей Иванович, рожд. 1890 г., из гор. Курска, находящийся в колонии атамана Харитонова — дочь **Мальцеву** Зою Андреевну, рожд. 1924 г., уехавшую добровольно из г. Азова Ростовск. обл. на работу в Германию 15-X-42 г., карточка № А 383.

Высоцкий Парамон Михайлович ст. Полтавской Кубанской обл. — дочь **Высоцкую** Анну Парамоновну, служившую переводчицей при батарее.

Захарченко Федор Андреевич ст. Екатериноградской Терск. обл. — сыновей: **Захарченко** Василия и Ивана Федоровичей.

Сытнин Николай Иванович ст. Екатериноградской Терск. обл. — зятя **Кесель** Александра Ильича и **Букановского** Николая Ильича.

Гуляев Иван Петрович ст. Расшеватской Александровского р-на Кубанск. обл. — сына **Гуляева** Николая Ивановича, рожд. 1915 г., и дочь **Гуляеву** Клавдию Ивановну, рожд. 1928 года, эвакуированную из г. Орджоникидзе, 5-XI переправленную через Днестр и оставленную в Херсоне. **Гуляев** Ив. Петр. в данное время находится в 1-ой колонне 1-ом взводе.

Ситников Николай Иванович ст. Екатериноградской Моздокск. отд. Терск. обл. разыскивает отца **Ситникова** Ивана Яковлевича и дядю **Ситникова** Андрея Яковлевича, уехавших в 1920 г. во Францию.

Малафеев Петр Алексеевич ст. Екатериноградской Мозд. отд. Терск. обл. — брата **Ныркова** Дмитрия Степановича, выехавшего в 1920 г. во Францию.

Пугачев Антон Григорьевич ст. Чамлыкской Лабинск. отд. Кубанской обл. — брата **Пугачева** Максима Григорьевича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Серинов Михаил Николаевич ст. Малороссийской Кавказского отд. Кубанск. обл. — отца **Серинова** Николая Дмитриевича, выехавшего в 1917 г. в Чехословакию.

Пирогов Николай Федорович ст. Асиновской Суужинского окр. Терск. обл. — брата **Отрыжкина** Григория Семесовича ст. Ермоловской Суужинск. отд. Терск. обл., выехавшего в 1920 г. неизвестно куда.

Чернобровкин Григорий Филиппович ст. Вознесенской Лабинск. отд. Кубанск. обл. — брата **Милькина** Петра Ивановича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Ярыш Алексей Федорович ст. С.-Величковской Славянск. отд. Кубанск. обл. — брата **Ярыш** Евдокима Григорьевича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Вереса Иван Никифорович ст. С.-Величковской Славянск. отд. Кубанск. обл. — братьев **Вереса** Никиту и Ульяна Тимофеевичей, выехавших в 1920 г. в Сербию.

Лисовин Петр Сергеевич ст. Ардеи Суужинск. отд. Терск. обл. — зятя **Швыдково** Льва Зиновьевича, выехавшего в Болгарию.

Тобоев Борис Гаврилович из г. Орджоникидзе (Владикавказ) разыскивает брата **Кулинова** Даниила Кирилловича ст. Христиановской Терской обл., выехавшего в 1920 г. во Францию в г. Париж.

Науменко Петр Иванович ст. Выселки Кавказск. отд. Кубанск. обл. — брата **Науменко** Василия Ивановича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Новосельский Иван Андреевич ст. С.-Величковской Славянск. отд. Кубанск. обл. — брата **Сергеева** Герасима Тихоновича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Степанов Иван Тимофеевич ст. Ольгинской Таманск. отд. Кубанск. обл. — **Коптева** Кирилла Ивановича, выехавшего в 1918 г. в Сербию.

Котляр Семен Поликарпович ст. Брюховецкой Кавказск. отд. Кубанск. обл. — племянника **Котлярякова** Максима, выехавшего в 1920 г. в Болгарию.

Аюев Аллах Паразович ст. Дигора Терск. обл. — брата **Аюева** Сергея Васильевича, выехавшего в 1920 г. в Германию.

Алентьев Петр Иванович ст. Екатериноградской Моздокск. отд. Терск. обл. — брата **Алентьева** Федора Ивановича, выехавшего в 1920 г. во Францию.

Скачедуб Василий Митрофанович ст. Екатериноградской Моздокск. отд. Терск. обл. — брата **Скачедуба** Николая Ивановича, выехавшего в 1920 г. во Францию.

Болдырев Федор Михайлович ст. Филипповской 1-го Донского окр. — дядю **Болдырева** Василия Евлампиевича, выехавшего в 1920 г. во Францию.

Друшляков Андрей Максимович ст. Кеогерменск. Майкопского отд. — зятя **Падалку** Семена Самойловича, выехавшего в 1920 г. в Сербию.

Булганов Афанасий Григорьевич ст. Н.-Троицкой Лабинск. отд. Кубанск. обл. — брата **Булганова** Андрея Ивановича, выехавшего в 1919 г. в Болгарию; шурина **Генеральского** Ивана Сергеевича и зятя **Калашникова** Дмитрия Тихоновича, в 1920 г. выехавших в Сербию. (До 1929 г. имел переписку).

Выгодов Иван Георгиевич ст. Ново-Троицкой Лабинского отд. Кубанской обл. — дядю **Чернашина** Александра Васильевича и племянника **Растворова** Тимофея Ивановича, выехавших в 1920 г. в Сербию. (До 1929 г. имел переписку).

Белоконь Иван Алексеевич ст. Поповической Кубанск. обл. — дядю **Белоконь** Свирида Ивановича.

Откликнуться просят по адресу: Kosaken Stab. F. P. № 32500